

Рождение человека — эпизод 4 из 4

Ты бы, мать, легла...

Не-е, сказала она, покачивая головою на развинченной шее, мне прибираться надобно да идти в энти самые...

В Очемчиры?

Во-от! Наши-те, поди, сколько верст ушагали...

Да разве ты можешь идти?

А богородица-то? Пособит...

Ну, уж если она вместе с богородицей, надо молчать!

Она смотрит под куст на маленькое, недовольно надутое лицо, изливая из глаз теплые лучи ласкового света, облизывает губы и медленным движением руки поглаживает грудь.

Я развожу костер, прилаживаю камни, чтобы поставить чайник.

Сейчас я тебя, мать, чаем угощу...

О? Напой-ка... ссохлось все в грудях-то у меня...

Что ж это земляки бросили тебя?

Они не бросили зачем! Я сама отстала, а они выпимши, ну... и хорошо, а то как бы я распросталась при них-то.

Взглянув на меня, она закрыла лицо локтем, потом, сплюнув кровью, стыдливо усмехнулась.

Первый у тебя?

Первенькой... А ты кто?

Вроде как бы человек...

Конечно, человек! Женатый?

Не удостоился...

Врешь?

Зачем?

Она опустила глаза, подумала.

А как же ты бабьи дела знаешь?

Теперь совру. И я сказал:

Учился этому. Студент слыхала?

А как же! У нас у попа сын старшой студент тоже, на попа учится...

Вот и я из эдаких. Ну, пойду за водой...

Женщина наклонила голову к сыну, прислушалась дышит ли? потом поглядела в сторону моря.

Помыться бы мне, а вода незнакомая... Что это за вода? И солена и горька...

Вот ты ею и помойся здоровая вода! Ой?

Верно. И теплей, чем в ручье, а ручьи здесь как лед...

Тебе знать...

Дремля, свесив голову на грудь, шагом проехал абхазец; маленькая лошадка, вся из сухожилий, прядая ушами, покосилась на нас круглым черным глазом фыркнула, всадник сторожко взметнул башкой, в мохнатой меховой шапке, тоже взглянул в нашу сторону и снова опустил голову.

Эки люди здесь несуразные да страховидные, тихо сказала орловка.

Я ушел. По камням прыгает, поет струя светлой и живой, как ртуть, воды, в ней весело кувыркаются осенние листья чудесно! Вымыл руки, лицо, набрал воды полный чайник, иду и вижу сквозь кусты женщина, беспокойно оглядываясь, ползет на коленях по земле, по камням.

Чего тебе?

Испугалась, посерела и прячет что-то под себя, я догадался.

Дай мне, я зарюю...

Ой, родимый! Как же? В предбаннике надо бы, под полом...

Скоро ли здесь баню выстроят, подумай!

Шутишь ты, а я боюсь! Вдруг зверь съест... а ведь место надобно земле отдать...

Отвернулась в сторону и, подавая мне сырой, тяжелый узелок, тихо, стыдливо попросила:

Уж ты получше как, поглубже, Христа ради... жалеючи сыночка мово, уж сделай поверней...

...Когда я воротился, то увидел, что она идет, шатаясь и вытянув вперед руку, от моря, юбка ее по пояс мокра, а лицо зарумянилось немножко и точно светится изнутри. Помог ей дойти до костра, удивленно думая:

Эка силища звериная!

Потом пили чай с медом, и она тихонько спрашивала меня:

Бросил ученье-то?

Бросил.

Пропился, что ли?

Окончательно пропился, мать!

Экой ты какой! А ведь я те помню, в Сухуме заметила, когда ты с начальником из-за харчей ругался; так тогда и подумалось мне видно, мол, пропойца, бесстрашный такой...

И, вкусно облизывая языком мед на вспухших губах, все косилась синими глазами под куст, где спокойно спал новейший орловец.

Как-то он поживет? вздохнув, сказала она, оглядывая меня. Помог ты мне спасибо... а хорошо ли это для него, и не знаю уж...

Напилась чаю, поела, перекрестилась, и, пока я собирал свое хозяйство, она,

сонно покачиваясь, дремала, думала о чем-то, глядя в землю снова выцветшими глазами. Потом стала подниматься.

Неужто идешь?

Иду.

Ой, мать, гляди!

А богородица-то?.. Дай-ко мне его!

Я его понесу...

Поспорили, она уступила, и пошли, плечо в плечо друг с другом.

Кабы мне не трюхнуться, сказала она, виновато усмехаясь, и положила руку на плечо мое.

Новый житель земли русской, человек неизвестной судьбы, лежа на руках у меня, солидно сопел. Плескалось и шуршало море, все в белых кружевах стружек; шептались кусты, сияло солнце, перейдя за полдень.

Шли тихонько, иногда мать останавливалась, глубоко вздыхая, вскидывала голову вверх, оглядывалась по сторонам, на море, на лес и горы, и потом заглядывала в лицо сына глаза ее, насквозь промытые слезами страданий, снова были изумительно ясны, снова цвели и горели синим огнем неисчерпаемой любви.

Однажды, остановясь, она сказала:

Господи, боженька! Хорошо-то как, хорошо! И так бы все шла, все бы шла, до самого аж до края света, а он бы, сынок, рос, да все бы рос на приволье, коло матерней груди, родимушка моя...

...Море шумит, шумит...